

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Наукові праці МАУП, 2010, вип. 1(24), с. 236–240

Анализируются особенности религиозного сознания в современном секуляризованном обществе. Рассматриваются уровни секуляризации, специфика воспроизводства религиозного опыта в посткоммунистическую эпоху. Уточняются значения понятий “секуляризация”, “дехристианизация”, “эклехтизм и синкретизм религиозного мышления”, “квазирелигиозность” в современном аномичном, кризисном обществе.

Несмотря на ренессанс религиозного мировоззрения, понимание особенностей процесса рехристианизации посткоммунистической Украины требует уточнения понятий “секуляризация”, “дехристианизация”, “квазирелигиозность”, “эклехтизм и синкретизм религиозного мышления” с учетом специфики этих процессов в начале XXI в. Как показывает практика, уровень духовной жизни, нравственности и ценностных предпочтений в современном кризисном, аномичном обществе существенно не повышается. И это обусловлено самим социально-психологическим настроением, готовностью действовать в соответствии с определенными общественными установками и ценностными ориентациями. Ведь ценности и ценностное сознание могут быть не только ускорителем проводимых преобразований, но и его тормозом. В целом, крушение Советского Союза привело к процессу рехристианизации в Украине. Уровень православной самоидентификации украинцев (56–63 %) свидетельствует о том, что произошел крах самоидентификации (“советский человек”), что вызвало стихийный процесс поиска населением новой модели сознания и поведения — на основе религиозных ценностей. Сегодня можно однозначно говорить о складывании в общественном сознании “православного консенсуса”, в основе которого лежит культурная и национальная самоидентификация. Не случайно понятия “украинец” и “православный” в общественном сознании сближены. Особенностью процесса рехристианизации в современной Украине является ситуация, когда понятие “православный” не явля-

ется частью более общей категории “верующие” и количество верующих значительно ниже тех, кто причисляет себя к православным.

Как способ национально-культурной идентификации, в идеологическом аспекте, — православию востребовано общественным сознанием, однако православие как религия это, прежде всего, религиозная вера, а уровень собственно религиозности определяется верой в религиозные догматы, которые являются фундаментом религиозного мировоззрения и которые воплощают трансцендентные ценности бытия.

По данным Л. А. Андреевой, в 2005 г. в загробную жизнь верили 31 %, в воскресение мертвых — 15 %, в ад — 36 %, в рай — 39 %, в ангелов — 37 %, в дьявола — 38 %, в сотворение мира Богом — 45 %; и в то же время, — 80,2 % респондентов не знают и не могут объяснить смысл “Символа веры” [1].

Такой низкий уровень знания религиозных догматов свидетельствует о доминировании в сознании нерелигиозной картины мировоззрения. Большинство украинцев соотносит свои поступки, опираясь на обыденные ценности. Удивляет почти тотальное принятие людьми ценностных установок, резко отвергаемых церковью: 53 % поддерживают женщин, ставящих карьеру выше семьи, 80 % — откладывание брака в пользу карьеры или учебы, 87 % — использование противозачаточных средств, 77 % — рождение ребенка вне брака как норму [3].

По совокупности этих показателей можно говорить о значительной степени секуляризации массового сознания. Сегодняшнее общество

ориентировано на эффективность, на ощутимый результат, на успешность, — не имеющих ничего общего с религиозной ориентацией человека. Религия как мировоззрение лишилась главной своей опоры — ощущения большинством верующих и людьми в целом присутствия Бога в их жизни. Вызывает размышления и такой показатель уровня религиозности, как *институциональная религиозность* (соблюдение постов и молитвенного правила, исповедь, причастие, елеопомазание, посещение церкви).

Сегодня православие является востребованным в общественном сознании, прежде всего, в идеологическом аспекте, однако, эта востребованность слабо связана собственно с религиозной верой, что является следствием секулярных процессов.

Известно, что секуляризация является одним из наиболее противоречивых понятий психологии и социологии религии, религиоведения. К началу 70-х гг. XX в. термин “секуляризация” использовался большинством ученых мимоходом и по сей день продолжается научная дискуссия о правомерности и адекватности понятия “секуляризация”, которое активно использовалось в различных дисциплинах. Многозначительность понятия “секуляризации” и обилие его значений привели к путанице и явились причиной научных споров. В контексте работы присоединяемся к точке зрения Д. А. Узланер и считаем, что социологическая трактовка секуляризации, оставаясь в пределах научности, не может заниматься проблемой религиозности как таковой. Секуляризация как социологическое понятие описывает исключительно положение религии в обществе, а это возможно делать на трех уровнях: макро, мезо и микро.

Секуляризация на макроуровне обозначает упадок влияния религии на уровне структуры общества и подразумевается, что изначально существует некоторое идеальное с точки зрения статуса религии общество. Секуляризация здесь используется как сугубо описательное понятие, не сопряженное ни с какими оценочными суждениями и (на макроуровне) раскрывается через понятие “*лаицизации*”, выявляющее более узкий юридический аспект проблемы: так обозначают процесс реализации политической программы по правовому отделению любого рода религиозных организаций от государства и его институтов.

На мезоуровне секуляризация понимается как процесс утраты религиозными организациями своего влияния.

На микроуровне изучение секуляризации подразумевает анализ влияния религиозных идей и религиозного сознания. Понятно, что эти три уровня секуляризации взаимосвязаны [10].

Секуляризация как социологическое понятие — это нейтральная описательная категория, обозначающая процесс утраты религией своей социальной значимости (а не о большей или меньшей религиозности и не о ее качестве).

В современном обществе религиозность человека выступает не столько синонимом принадлежности его к религиозной культуре в противовес культуре светской, сколько знаком его одновременной принадлежности к обеим данным культурам. Более того, в условиях активной экспансии религии, с одной стороны, и поисков светским сознанием “точки опоры” в кризисном социуме, с другой, — эпицентр проблемы светско-религиозного взаимодействия в значительной степени смещается из межсубъектного пространства в пространство жизненного мира личности.

И не случайно поколение, родившееся в конце 1980-х — начале 1990-х гг., чья первичная социализация совпала, с одной стороны, с системным кризисом светского общества и, с другой стороны, с выходом религии и Церкви из социокультурного гетто советской эпохи и религиозным ренессансом, — наиболее контрастно отображает в своем жизненном мире коллизии взаимодействия между светской и религиозной культурами в ситуации социокультурной нестабильности.

Как известно, оборотной стороной развития светской культуры и закрепления ее ведущих позиций в общественной жизни стало сокращение социального мира религии и вытеснение религиозных смыслов, символов и практик из реального социально-когнитивного и деятельного оборота.

Сегодня субъектами-носителями светской культуры изначально выступают практически все члены современного общества. Независимо от их отношения к религии и данному положению дел соответствует массовое биографическое усвоение светской культуры “естественным путем”, в процессе первичной социализации/инкультурации личности.

Религиозная культура, в свою очередь, не интернализируется современным человеком в детстве, через поэтапное и “естественное” усвоение той или иной конфессиональной традиции, а формируется вследствие осознанного волевого личностного выбора в более или менее зрелом возрасте. Для секуляризованного и модернизирующегося общества характерна “перевернутость” и

“разорванность” непрерывного и замкнутого цикла традиционного механизма усвоения религиозного опыта, которая была до 1917 г.

Таким образом, светская культура может рассматриваться как социокультурная константа современности: она присутствует в сознании и жизненном мире человека и общества как первичное всеобъемлющее выражение социального знания. Современный человек не может отказаться от своей светскости, поскольку она вошла в его “плоть и кровь”, сформировала и продолжает воспроизводить его социальность. В свою очередь, религиозная культура выступает в качестве “социокультурной переменной”, введение которой в жизненный “оборот” зависит от позиции социального субъекта, от его осознанного выбора своей жизненной стратегии.

Таким образом, даже принимая религиозные формы сознания и поведения в качестве руководства к действию, современный человек остается светским по своему социокультурному базису. Принятие им религии не отменяет исходной светскости, но ставит его перед проблемой совмещения и взаимной адаптации двух разноприродных служений — “и Богу, и кесарю”.

Не случайно, обращение человека в религию в наше время происходит через столкновение обретаемых им религиозных смыслов с усвоенными ранее светскими паттернами социального знания.

В ситуации утраты институтов, обеспечивающих традиционное воспроизводство религиозности с детских лет и на ранней стадии социализации, таких как религиозная семья, система религиозных учебных заведений, механизм производства религиозности, оказывается “перевернутым” [8].

Исследуя закономерности взаимодействия культур религиозного и светского типа в индивидуальном сознании, С. Д. Лебедев предлагает строить основу методологии исследования основных социально-когнитивных стратегий отношения к религии (в соотношении их с характеристиками аутентичных базовых элементов социального знания) на следующих критериях:

1. Религиозность как социально-значимое человеческое качество основана на усвоении/инкультурации личностью, религиозной культуры определенной конфессии.
2. Культура, в том числе — религиозная (является самоорганизующейся системной целостностью, которая развивается из определенного субминимального состояния

до состояния относительно полного и завершенного).

3. Религиозность современного человека (которая есть результирующая взаимодействия секуляризованной светской культуры, изначально определяющей его жизненный мир) и конфессиональной религиозной культуры, помещаемой им в центр своего жизненного мира и постепенно трансформирующей его [6].

Необходимости и достаточности объективной составляющей критерия религиозности отвечает ценностная ориентация личности на приоритет ценности религиозной веры. Данную ориентацию предельно точно выражает евангельская фраза: “Верую, Господи! Помоги моему неверию!” Она означает, что ценность религиозной веры имеет для человека терминальный характер: он не ощущает себя достигшим должного состояния веры, но в силу этого стремится к ней как к важнейшей цели и ценности своей жизни. Такая тяга к вере — это та константа религиозности, которая характеризует человека как “уже принадлежащего” религии. В целом, сформировавшаяся в “эпоху перемен” 1990-х годов секулярность ценностно-мировоззренческих установок и ориентаций пока не носит деструктивного характера, поскольку в основной своей массе она не связана с вытеснением наиболее социально значимых ценностей на периферию жизненного мира личности и заменой его ценностями индивидуализма и гедонизма.

Однако, анализируя данные социально-психологических исследований последних десяти-пятнадцати лет, обращаешь внимание на то, что большинство социологов не доверяют самоидентификации респондентов, более склонны говорить о религиозной неопределенности, энтропии, идейной эклектике и религиозном синкретизме, об квазирелигиозности религиозного сознания.

По данным Ю. Ю. Синелиной, 28 % православных имеют сонники, книги по астрологии и способах гадания, 10 % — руководства по медитации и расширению сознания, 8 % — сочинения Рерихов, Блаватской, Кастанеды, у 5 % опрошенных есть руководства по магии, колдовству, заговоры [9].

Оккультизм, вера в колдовство стали сопутствующими элементами обыденного религиозного мировоззрения. Сегодня не религия побеждает атеизм. Религия и атеизм отстают перед ростом мировоззренческой неопределенности и идейной эклектики, которая включает в себя веру в “переселение душ” и астрологию, уфологию, “энерге-

тических вампиров”, спиритизм, колдунов, шаманов, образуя в сознании не структурированные, не объединенные в логическую систему, а постоянно меняющие свои составные элементы неустойчивые соединения.

И даже “продвинутые интеллектуалы” характеризуются сегодня специфическим “религиозным синкретизмом”: эти люди, как правило, интересуются религиозной проблематикой, много знают и много читают о различных религиях. Некоторые из них имеют даже некоторый мистический опыт, и вовсе необязательно, христианский. На основе своих знаний, своего личного опыта и пристрастий они считают возможным составить для себя некий индивидуальный набор представлений. Многие из них могут сочетать христианство с верой в реинкарнацию, с медитациями, с упражнениями из даосской практики, — особенно на первом этапе христианской жизни. И, безусловно, с точки зрения христианской догматики — это вопиющая религиозная безграмотность.

Терпение верующих также имеет пределы: лишь один из пяти согласен “подставить щеку для удара”. Для “начинающих” и “полувоцерковленных” характерны следующие критерии ценностного сознания:

- (1) амбивалентность, сочетание противоположных оценок;
- (2) нестабильность, изменчивость;
- (3) эклектичность — механическое сочетание элементов различных ценностей, часто противоположных;
- (4) синкретизм — смешение, слияние элементов различных религиозных культов;
- (5) доминирование прагматических установок;
- (6) стойкая политическая индифферентность;
- (7) преобладание инструментальных ценностей над терминальными.

Не меньшую настороженность вызывают и тенденции “квазирелигиозности” представлений в обыденном сознании украинцев. Под “квази-религиозностью” мы понимаем совокупность несистематизированных идей — веру в популярные на уровне массового сознания представления, носящие идеалистический характер [7].

Сегодня ассоциации магов, экстрасенсов и астрологов получили не только известность, признание, но и легализацию. Они оказывают влияние на некоторые издания и кафедры вузов, им присуждаются ученые степени. Доверие людей, в том числе имеющих высшее образование, возрастает

в связи с тем, что экстрасенсы имеют лицензии от Министерства здравоохранения Украины, где их приравнивали к представителям народной и нетрадиционной медицины.

Напомним, что религиозные деятели осуждают оккультизм и, согласно Библии, — Бог строго запрещает верующим заниматься оккультной практикой. Во “Второзаконии” сказано: “Не должен находиться у тебя... прорицатель, гадатель, ворожей, чародей, вызывающий духов, волшебник или вопрошающий мертвых, ибо мерзок перед Господом всякий делающий это”. В социальной доктрине православной церкви вновь предупреждается об опасности внедрения под прикрытием “альтернативной медицины” оккультно-мистической практики, подвергающей волю и сознание людей воздействию демонических сил [2].

Особенно активно в этом плане телевидение, деятельность которого подчинена странной сверхзадаче (помимо бизнеса и прибыли), а именно — оболваниванию людей. Достаточно вспомнить итоги недавно завершившейся на телеканале СТБ очередной “Битвы экстрасенсов”. Победителем его стала “представительница древнего рода чернокнижников” (!) Но не в этом ли — и скрытая героизация оккультизма, и зерна дехристианизации Украины?

Таким образом, рассматривая социально-психологический аспект статуса религиозности человека, мы можем констатировать, что как явление многокомпонентное, многоплановое, многоуровневое, — оно требует иерархического аналитического подхода, который необходимо уравновесить *синдроматическим подходом*, учитывающим сочетания ценностных выборов, которые состоят из центральных (то есть ядерных представлений о том, что есть благо) и периферических (по отношению к этим ядрам) ценностей. В сознании человека (или совокупности людей) это системное ядро самоорганизующейся религиозной культуры способно со временем трансформировать в соответствующем ключе весь исходный светский культурный репрезентант.

Литература

1. Андреева. Л. А. Процесс рехристианизации в секуляризованном российском обществе // Социол. исслед. — 2008. — № 3. — С. 67–73.
2. Гостев. А. В. К принятию Основ социальной концепции Русской православной церкви // Новый мир. — 2001. — № 4. — С. 150.

3. Каарияйнен К., Фурман Д. Е. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий // Обществ. науки и совр. — 2007. — № 1.
4. Кариди В. А. Социально-психологические особенности самосознания неопита православия и его религиозной идентичности // Наук. пр. Мариупольського ін-ту МАУП: 36. наук. пр. Вип. 2. — Мариуполь: Новий світ, 2009. — С. 110–136.
5. Кариди В. А. Тенденция квазирелигиозности мировоззрения в среде студенческой молодежи // Духовно-нравственное здоровье личности и предпринимательство: Материалы I и II Междунар. философ.-теологич. конф. — Мариуполь: МИ — МАУП, 2004. — 164 с.
6. Лебедев С. Д. Отношение учащейся молодежи к религии // Социол. исслед. — 2007. — № 7. — С. 87–97.
7. Немировский В. Г. Структура и динамика религиозно-этических представлений студенческой молодежи (1987–2000 гг.). — Красноярск: Мысль, 2002.
8. Панков А. А., Подшивалкина В. И. Проблема воспроизводства религиозного сознания в посттоталитарном обществе // Социол. исслед. — 1995. — № 11. — С. 99–103.
9. Синелина Ю. Ю. Воцерковленность и суеверное поведение жителей Ярославской области // Социол. исслед. — 2005. — № 3. — С. 96–107.
10. Узланер Д. А. Секуляризация как социологическое понятие // Социол. исслед. — 2008. — № 5. — С. 62–67.

Розглядаються соціально-психологічні особливості релігійної свідомості в сучасному суспільстві. Досліджується проблема секуляризації суспільства та специфіка репродукції релігійного досвіду у посткомуністичну епоху. Аналізуються психологічні критерії ціннісної свідомості віруючих.

Рассматриваются социально-психологические особенности религиозного сознания в современном обществе. Исследуется проблема секуляризации общества и специфика воспроизводства религиозного опыта в посткоммунистическую эпоху. Анализируются психологические критерии ценностного сознания верующих.

In this article the author considers social-psychological peculiarities of religious consciousness in nowadays society. He researches the next problem: the problem of secularization of society and specificity of reproduction of religious experience in post-communist period. The psychological criteria of axiological consciousness of the religious are analyzed.

Получена 22 фєрєля 2010 г.